

Василий Зверев: Путь исканий, потеря и разочарований

*Vasily Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
The route of searching, losses, and disappointments*

«Всякая государственность — застывшая революция; всякая революция — расплавленная государственность», — писал Д.С. Мережковский¹. Считаю, что мы должны быть благодарны С.В. Мироненко за постановку вопроса о необходимости выявить «общие закономерности мучительного движения России по пути прогресса». Разговор на эту тему назрел давно и вызван несколькими причинами. Во-первых, затянувшиеся блуждания по методологическим лабиринтам в поисках выхода из тупика вульгарно-марксистского прочтения прошлого в конечном итоге привели к теории модернизации как наиболее приемлемой и объективной объяснительной модели общественной эволюции. Научный потенциал цивилизационного подхода оказался весьма ограниченным и, увы, практически неприменимым к истории России. В этом отношении выбор Мироненко исследовательского инструментария следует признать правомерным и целенаправленным, хотя ему и свойственны свои изъяны и издержки. Во-вторых, в скрытой форме постановка проблемы возвращает нас к «вечному вопросу» российской интеллигенции: что есть прогресс, и какие морально-этические ценности применимы в его оценке? А этот вопрос, в свою очередь, заставляет нас сопоставлять и противопоставлять видение процесса социальной эволюции носителями государственной власти и представителями российского общества, другими словами, обратиться к рассмотрению роли и значимости так ныне модно и громко именуемых акторов исторической деятельности. В-третьих, нельзя не согласиться с мнением Мироненко о том, что на обоснование и осмысление преобразовательных процессов в России существенное влияние оказало идейно-теоретическое наследие Запада. Правда, добавлю, что его восприятие и интерпретация на русской почве принимали различное и порой весьма причудливое воплощение по сравнению с европейскими аналогами. В целом представленная статья нацелена на многоплановый анализ модернизационных процессов в России.

Не претендуя на рассмотрение всех вопросов, которые появляются при прочтении работы, остановлюсь на некоторых из них. Первый вопрос относится к категории методологии исследования. Соглашаясь с избранным Мироненко способом анализа поставленной проблемы, тем не менее отмечу, что использование принципов теории модернизации не означает абсолютизации линейности и эволюционности. Общественное развитие не является бесконфликтным поступательным движением от несовершенного к более совершенному. Закон перехода количества в качество обязательно дополняется и корректируется другим, не менее универсальным, законом диалектики. В существующем несовершенном уже содержится его противоположность: есть элементы старого, отживающего, и нового, за которым будущее. Они вступают между собой в противостояние, которое Г. Гегель называл борьбой противоположных начал. А само «изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни»².

¹ Мережковский Д.С. «Большая Россия»: Избранное. Л., 1991. С. 127–128.

² Гегель Г. Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 69.

Вполне понятно желание Мироненко отказаться от набившего оскомину утверждения о существовании в начале XIX в. капиталистического уклада. Достаточно хотя бы обратиться к работе В.К. Яцунского³, чтобы убедиться в том, что на рубеже веков среднестатистический житель империи тратил на покупки 17 коп., а к середине XIX в. данная сумма возросла в 20 раз – 3 руб. 40 коп. Тем не менее этот рост нельзя игнорировать, как и его темпы. Скорее, в этом случае необходимо говорить о низкой «рыночности» и «буржуазности» российского общества по сравнению с Западной Европой. Но отрицать проявление тенденции «индустриализации» и «товаризации» было бы неверно, как и происходивших, пусть и крайне медленных, изменений в социальной структуре российского общества.

Не могу не согласиться и с точкой зрения Мироненко о том, что отсутствие в России на определённом этапе её развития «третьего сословия» – силы, которая «на Западе была мощным двигателем преобразований», – приводило к усилению роли государства. Данный тезис вполне соответствует избранному им методологическому подходу теории модернизации, согласно которому для стран «второго эшелона» развития свойственна именно эта особенность. В изложении Мироненко это приобретает следующее выражение: начиная с Петра I «тенденция брать за образец западные страны при проведении реформ в России с течением времени становилась всё более очевидной». Однако при этом удачными оказывались только попытки, укреплявшие консервативные основы государственности и социально-политического устройства страны. Так было и в XVIII, и в начале XIX в., включая правление Александра I. Мало что изменилось и при Николае I, когда «борьба реформаторов и консерваторов в очередной раз закончилась победой последних» при решении вопроса об отмене крепостного права. Власть пугала только опасность освобождения зависимого населения «снизу».

Действительно, в России в течение длительного периода сформировался и закрепился принцип безусловного главенства государства, когда обществу отводилась подчинённая роль даже не партнёра, а исполнителя воли единственного повелителя исторического процесса. Государство считало себя вправе быть выразителем интересов общества, а любые выступления против таких его функций расценивались как антиобщественные. Однако параллельно с усилением государственного прессинга кристаллизовались критика и неприятие действий власти со стороны интеллектуальной элиты, отстранённой от власти или не допущенной к ней. В этом отношении крайне интересным представляется превращение *оппозиции его величества* в *оппозицию его величеству*. Здесь вопрос не только во времени формирования подобных настроений, но и в их содержании, характере, степени радикализма, альтернативности по отношению к российской государственности. Как мне представляется, уже Екатерина II осознала и определила степень подобной конкурентности словами о А.Н. Радищеве после прочтения его «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Бунтовщик хуже Пугачёва». Конечно, кто-то из представителей правящего слоя мог ещё накануне отмены крепостного права полагать, что О. де Мирабо не так страшен, как Стенька Разин. Но это мнение уже устарело, и, как показали дальнейшие события, власть

³ Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1971. С. 100.

столкнулась с ранее невиданной оппозиционностью, зарождение и развитие которой произошло гораздо раньше.

Идея представить либеральную бюрократию главной силой преобразовательного процесса, которая определяла магистральное направление эволюции и по западноевропейским лекалам «пыталась перестроить страну», при всей привлекательности не учитывает того факта, что даже самая прогрессивно настроенная часть управленческого аппарата является составным элементом системы, действующей по существующим писаным, а преимущественно — неписаным законам. *Преступить* их — означает совершать *преступление* со всеми вытекающими отсюда последствиями, самым мягким из которых становится отставка⁴. Это собственно и произошло с инициаторами и наиболее последовательными сторонниками Великих реформ в России. Сама эпоха 1860—1870-х гг. в итоге привела к укреплению самодержавия, а запущенный механизм реформирования завершился полумерами, недостаточность которых ощущалась уже современниками.

По большому счёту, возлагать надежды на бюрократический аппарат — такая же утопия, как намерение вытягивать себя вместе с конём из болота за волосы, по примеру барона Мюнхгаузена. Даже если бы это было возможно, то обязательно в российской трясине что-нибудь должно было увязнуть: то холка, то хвост. А если серьёзно, то сами реформы из-за сопротивления реакционеров и консерваторов внутри той же бюрократии превращались в нечто иное по своей первоначальной задумке и направленности, — или реформу ради реформы, или реформу ради бюрократического аппарата. Система российского самодержавия ещё была способна использовать насилие для реализации собственных интересов (что признаёт и сам Мироненко⁵), но уже была не в состоянии решиться на серьёзное и последовательное самореформирование. Неслучайно до начала XX в. слово «конституция» являлось «страшным» для царской администрации.

---

⁴ Не терпит бюрократия в своём составе и неординарных личностей, тех, кто искренне надеется осуществить насущные, на их взгляд, преобразования. Это в полной мере относится, например, к П.А. Столыпину, которого именно царская администрация отторгла из своей среды, не приняв в итоге его реформаторских начинаний. Он был необходим как «умиротворитель», но не как государственный деятель нового типа. Солидаризуясь с его высокой оценкой, данной Мироненко, вместе с тем отмечу, что Столыпин не ставил задачу разрушения общины. Речь шла о том, чтобы «в тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определённое развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле». Напротив, закон не нацеливал на ломку «общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли» (*Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991. С. 176*). Именно местная администрации в процессе проведения реформы стремилась ликвидировать общину. На этот факт обратил внимание член Государственного совета Д.А. Олсуфьев, который на заседании 22 марта 1910 г. заявил, что на местах происходит «отнюдь не созидательный процесс хуторского устройства и личной собственности. А происходит успешный процесс разрушения общины. Бессовестная агитация заставляет крестьян думать, что у них отберут землю, если они не выступят из общины. Этот характер развития... заставляет ожидать скорой реакции на это положение в деревне, ибо неминуемо последует обратное движение маятника» (цит. по: *Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861—2001 гг.) // Крестьяноведение. История. Современность. Учёные записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 16*).

⁵ В частности автор отметил, что освободить крестьян в 1861 г. удалось насилием власти и над помещиками, и над крестьянами, насилием, которое позволило сохранить России положение мировой державы. При этом принципы, положенные в её основу, больно ударили и по крестьянам, и по помещикам.

Я не собираюсь по-анархистски отрицать необходимость управленческого аппарата и квалифицированных кадров государства. Квалифицированный управленец (в данном случае сознательно отказываюсь от использования термина «бюрократ») — золотой фонд нации, которого готовят не один год и даже не одно десятилетие. В первую очередь он должен обладать инициативой, уметь брать на себя ответственность за принятое решение, последовательно добиваться его исполнения, что очень непросто. Тем более, если аппарат государства «заточен» на самосохранение и защиту мнимой стабильности системы, что применительно к бюрократии выражается в непрерывном и стабильном её росте. Достаточно сказать, что в конце XVIII — начале XX в. чиновничество России выросло более чем в 20(!) раз, в то время как численность населения — в 3,5 раза. При этом подавляющая часть государственных служащих концентрировалась в городах. Надо честно и откровенно признать, что русская деревня жила по собственным патриархальным представлениям и религиозным верованиям, которые слабо корреспондировались с государственными устоями и законами империи⁶. Это была весьма неустойчивая и хрупкая система, для которой по широко распространённому присловью были характерны две напасти: «Внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти». Любое нарушение неустойчивого равновесия (внутри- или внешнеполитический кризис) грозило обернуться (и оборачивалось) гигантским социальным взрывом. И после Крымской (1853—1856), и после Русско-японской (1904—1905) войн страна оказывалась перед жёстким выбором — между революцией и реформой как способами решения накопившихся проблем.

Резюмируя сказанное, я не могу согласиться с выводом Мироненко о том, что либеральная бюрократия сыграла в России «ту роль локомотива истории, которую на Западе сыграла буржуазия». Это заявление, на мой взгляд, не подтверждается имеющимися фактами. К тому же, оно неудачно и по форме. Легко просматриваемое за термином «локомотив истории» (явный парафраз К. Маркса) заострённое неприятие Мироненко революционности слабо коррелируется с государством и государственным аппаратом. Даже такое понятие, как «революция сверху», в лучшем случае, может рассматриваться как яркая метафора, но не более того⁷. Правда, я считаю, что Мироненко сознательно возвращает к наметившейся ещё на рубеже 1980—1990-х гг. дискуссии.

Речь идёт о постановке вопроса о соотношении революционаризма и реформаторства в работе Н.Я. Эйдельмана «“Революция сверху” в России». В ней автор попытался показать значительную зависимость эволюции государственных политических, общественных институтов, социально-экономического строя от деятельности реформаторов, которые приобретали некий

---

⁶ А.И. Герцен был совершенно прав, когда констатировал консерватизм основной массы населения, с которым «труднее бороться, чем с консерватизмом трона и амвона». В основе народного мирозозерцания покоятся косность и привязанность к традиции. «Народ — консерватор по инстинкту и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеала вне существующих условий; его идеал — буржуазное довольство... Он держится за удручающий его быт, за тесные рамы, в которые он вколочен, — он верит в их прочность и обеспечение. Не понимая, что эту прочность он-то и даёт. Чем народ дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое. Он даже новое понимает только в старых одеждах» (*Герцен А.И. Собрание сочинений. В XXX т. Т. XX. Кн. 2. М., 1960. С. 577, 589*).

⁷ Также отмечу, что любая «революция сверху» возможна только в абсолютистском государстве, и не всегда этот абсолютизм является просвещённым.

ореол провидцев, опережавших время в своих замыслах и действиях. А самим реформам придавался статус универсального средства в разрешении назревших противоречий и предотвращения кризисов. С таким подходом не согласился Б.Г. Литвак⁸, оспоривший правомерность отождествления реформы с «революцией сверху». По его мнению, эти понятия имеют существенные различия: реформы приспособливают общество и государство к новым условиям, а революции кардинально меняют сам строй. К сожалению, едва начавшись, дискуссия не получила продолжения. В настоящее время проблема «революция и реформа» в лучшем случае трактуется как «революция *или* реформа», как противопоставление двух возможных вариантов развития. При этом сознательно исключается их непосредственная связь и обусловленность состоянием общества в тот или иной отрезок времени.

Думаю, что вопрос должен рассматриваться сквозь призму традиций и новаций, их конфликтного столкновения и разрешения в период кризисов с последующим развитием форм общественного бытия. Такой подход позволит, с одной стороны, отказаться от понимания кризиса как главного и неперемennого условия разрушения старого и отжившего мира; с другой – выработать критерии оценок таких понятий, как «реформаторство», «революционаризм», «консерватизм», выявить закономерности их генезиса, подчеркнуть различия, остановиться на особенном и частном. В первую очередь требуются концептуализация подхода, вычленение векторов обобщения и анализа явлений, рассмотрение не фактологической канвы событий, а их сущностной основы.

По сути, революция и реформа – способы преобразовательного процесса. Каждый из них имеет в арсенале свои меры и средства действия. Революционная альтернатива «отдаёт» предпочтение социальному взрыву, стихийной коррекции процесса развития. Реформе свойственны отрицание слишком высокой цены революционных потрясений и разрешение назревших противоречий путём компромисса. Но и в первом, и во втором случаях, несмотря на разницу в степени радикализма, в широте охвата различных сторон жизни, вовлечённости в процесс переустройства народных масс, в ценностном выражении назревших изменений, революционеры и реформаторы могут быть объединены в общий круг преобразователей. Границей, разделительной линией здесь становится целевая направленность их деятельности, мера соотношения традиционности и новаторства.

Революционеры склонны оценивать прошлое как тяжёлый и в значительной степени ненужный груз предыдущих эпох. Реформаторы, признавая прогрессивно-поступательное развитие общества, вместе с тем не отрекаются от «наследства» и пытаются использовать его критически и выборочно. Вопросы «*насколько*» и «*в какой пропорции*» разделяют, в свою очередь, реформаторов и радикалов, умеренных и консерваторов. Каждая из этих групп имеет собственные представления о совмещении традиций и новаций, предлагает возможные варианты их реализации, в различной степени и в разное время оказывает влияние на общественное сознание и мнение.

---

⁸ См.: Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

На первом этапе реформаторского процесса общим объединяющим началом выступает стремление предотвратить социальный взрыв путём проведения неотложных мер. Однако в дальнейшем разность взглядов, неоднозначность оценки уже сделанного приводят к всё более серьёзным расхождениям. Это усугубляется ещё и тем, что наличие кризиса острее всего ощущается представителями общества, а первоначальные шаги по реализации реформ осуществляются наиболее дальновидными представителями власти.

Чисто гипотетически возможно несколько вариантов развития событий: успех намеченных преобразований в результате «революции сверху», их провал и «революция снизу», свёртывание реформ и политика консервативной стабилизации. Успешное осуществление задуманного вероятно лишь при соблюдении некоторых условий. Во-первых, реформаторам необходимо иметь чёткое представление о конечной цели преобразований, заручиться поддержкой той части населения, которая видит в них единственно возможный выход из кризисного состояния. Это обеспечивает необходимый кредит доверия и социальный мир. В намеченной программе мер должен соблюдаться реальный баланс экономических, социальных и политических реформ. «Забегание вперёд» в сфере политики и общественной жизни без должных и своевременных изменений в экономике чревато, как об этом свидетельствует исторический опыт, опасностью свёртывания реформ и усилением требований их радикализации.

Во-вторых, нужны максимальная концентрация сил и выигрыш во времени. Если не удаётся «сразу» и «рывком» перевести общество в иное качественное состояние без заметного ухудшения материального положения людей, разрушения сложившейся системы морально-этических ценностей, наступает кризис ожиданий, теряется кредит доверия, возрастают разочарование и апатия. Это особенно проявляется там, где недостаточно развиты общественные институты и сильны традиции государственного регулирования всех сторон жизни. Тоска о прошлом, вера в «сильную руку» мудрого правителя, только и способного осуществить реформы, подталкивают к идее концентрации всех полномочий в руках одного лица. Старая система власти получает возможность сохранить и укрепить свои основы, ограничившись лишь видимыми формальными и, следовательно, несущественными изменениями.

И, наконец, в-третьих, реформы достигают успеха там, где безболезненно удаётся совместить новые идеи с основами мировоззрения и социальной психологии народа. Если реформаторы не учитывают этого требования, то глухое недовольство масс, постепенно накапливаясь и усиливаясь, становится питательной средой радикализма.

Нерешительность и непоследовательность власти, желание не столько изменить, сколько сохранить вековые устои приводят к обратному результату и ещё туже затягивают узел противоречий. В этих условиях на первый план выступает политика консервативной стабилизации, понимаемая как регулируемость взаимоотношений подданных (но отнюдь не граждан) апробированными веками нормами поведения, ценностями духовной культуры, наконец, собственным житейским опытом. Прошлое не возводится в абсолюте, но его национальные корни должны обеспечить адаптацию народа к новым условиям. Консервативное

реформаторство становится реакцией (отстающим по времени реагированием) на ошибки и просчёты преобразователей. Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределённые заявления радикалов и непродуманность действий умеренных реформаторов. Однако применимость принципов защиты национальных приоритетов даёт временный и непродолжительный эффект. После этого страна оказывается перед новым комплексом проблем, дополненных и обострённых проведением политики национализма и патернализма. Выход из этого кризиса путём реформ уже невозможен. Революция становится неизбежным следствием провала предыдущих попыток эволюционного продвижения в будущее. Как справедливо писал В.М. Чернов, «оправдание революции – не в выигрыше во времени и не в экономии сил. И то, и другое проблематично. Её оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является *единственным* (выделено Черновым. – В.З.) способом двинуться вперёд там и тогда, когда и где упрямство и слепота господствующих, командующих групп или классов пытается глухою стеной остановить мощное и неудержимое историческое движение»⁹.

Но революция только расчищает путь к грядущим преобразованиям, которые вполне могут в дальнейшем приобрести реформаторский характер, правда, преимущественно в социально-экономической сфере. В политике любая революция, как, впрочем, и реакция, закрепляет свою победу возведением беззакония в степень закона. Но если во втором случае это стыдливо прикрывается ссылками на традиции и право, то в первом – осуществляемое насилие безжалостно и беспощадно возводится в абсолют и постулируется как правомерный и целесообразный акт во имя светлого будущего.

Без всякого сомнения, реформаторское решение объективно возникших проблем представляет собой наиболее приемлемый, предпочтительный вариант развития общества. Реальной предпосылкой ненасильственной и мирной эволюции может быть создание гражданского общества, системы «обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению», системы «самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для саморегуляции отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных»¹⁰. Именно гражданское общество становится амортизатором противоречий между людьми, предотвращает их перманентную войну друг с другом. Но для достижения такого идеального состояния каждая нация, любой народ проходят собственный путь исканий, потерь и разочарований, создания и разрушения утопий. И не последнюю роль в этом процессе всегда будет играть интеллигенция.

---

⁹ Чернов В. Рождение революционной России. Париж, 1934. С. 29.

¹⁰ Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 30.